

УДК: 008

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

Лекус Е. Ю.

**Человек постсовременности в поисках священного
(культурно-антропологический ракурс)**

Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица,
Соляной пер., д. 13, г. Санкт-Петербург, 191028, Россия; lekus_elena@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема дезориентации человека XXI столетия в пространстве культуры. Показано, что неопределенность является ключевой характеристикой современной социальной реальности. Применяя в исследовании культурно-антропологический подход, автор выдвигает гипотезу, что одной из главных причин сегодняшней утраты ориентиров стали трансформации представлений об экзистенциальных дихотомиях «трансцендентное/имманентное», «сакральное/профанное», «континуальное/дискретное», свидетельствующие о тектонических сдвигах, которые происходят в общественном и индивидуальном сознании. Автор анализирует причины и особенности этих преобразований на различных исторических этапах (классика, модернизм, постмодернизм) и рассматривает «оптимистический» и «пессимистический» сценарии в дальнейших поисках человеком сакрального и трансцендентного. Показаны альтернативные религиозной практике способы обретения трансцендентного опыта и переживания чувства священного, к которым прибегает современный индивид. Делается вывод о множественности форм сакрального в обществе XXI века, что, с одной стороны, свидетельствует о непрерывном процессе индивидуализации, а с другой, является подтверждением работы механизма самосохранения, отвечающего за сбережение человеческого в человеке.

Ключевые слова: человек; сакральное; трансцендентное; культура; культурно-антропологический подход; дезориентация; неопределенность; индивидуализация

Для цитирования: Лекус Е. Ю. Человек постсовременности в поисках священного (культурно-антропологический ракурс) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 4. С. 19-32. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

E. Yu. Lekus

**Postmodern Man in Search of the Sacred
(cultural and anthropological perspective)**

Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg, 191028, Russia; *lekus_elen@mail.ru*

Abstract. The article examines the problem of disorientation of a 21st century person in the cultural space. It shows that uncertainty is a key feature of modern social reality. The author applies a cultural-anthropological approach to the study and puts forward a hypothesis about the preconditions for this phenomenon. The transformation of ideas about existential dichotomies such as "transcendent-immanent", "sacred-profane", "continuous-discrete" is one of the main reasons for today's disorientation. This, in turn, points to tectonic shifts in public and individual consciousness. The author analyses the causes and characteristics of these transformations at different historical stages (classical, modern, postmodern) and considers the "optimistic" and "pessimistic" scenarios in man's continuing search for the sacred and the transcendent. The article identifies "alternative" ways to religious practice to gain transcendental experience and a sense of the sacred that are used by the modern individual. On this basis, the author concludes that there are multiple forms of the sacred in the society of the 21st century, which on the one hand indicates a continuous process of individualisation, and on the other hand is a confirmation of the work of the self-preservation mechanism responsible for preserving the human in man.

Keywords: man; sacred; transcendental; culture; cultural and anthropological approach; disorientation; ambiguity; individualization

For citation: Lekus E. Yu. (2024), "Postmodern Man in Search of the Sacred (cultural and anthropological perspective)", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (4), 19-32, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-4-0-2

Постановка проблемы

Проект модернизма строился на принципиальном пересмотре или (более радикально) отказе от ценностей и идей традиционного («старого») мира, предлагая взамен новый образ реальности, общества, человека, культуры. В отличие от классики, постмодернизм снимает вопрос не только о разделении между «старым» и «новым», но и между всеми бинарными противопоставлениями, избегая однозначных ответов на экзистенциальные вопросы. В этом ключе уместно вспомнить ироничное высказывание А.Г. Дугина: «...парадигма Традиции утверждает в своем центре "Бога". Парадигма модерна утверждает "Нет, не Бог в центре, в

центре – человек". А парадигма постмодерна говорит: "Нет, не человек, он умер, но и не Бог, он тоже умер, а что – мы точно не знаем, знаем лишь наверняка, что не Бог и не человек, они умерли"» (Дугин, 2023: 47-48).

Независимо от выбора термина для обозначения современного исторического этапа – будь то постмодернизм, поздний постмодернизм или любая другая дефиниция, взятая из многочисленных постпостмодернистских версий, – одной из его центральных характеристик остается состояние перманентной неопределенности, присущее практически всем сферам жизни. Осознается это состояние или же воспринимается

неосознанно, но, так или иначе, оно порождает чувства невнятной тревоги и уязвимости. «Неопределенность, предельным выражением которой является хаос, – это свойство жизни, по отношению к которому большинство людей испытывают широкий спектр отрицательных эмоций от дискомфорта до паники и стараются ее в своей жизни минимизировать» (Леонтьев, 2018: 37).

Совершенно нейтральная, на первый взгляд, приставка «пост-», закрепившаяся за понятиями, ранее имевшими вполне определенное значение («человек» → «постчеловек», «общество» → «постобщество», «культура» → «посткультура», «история» → «постистория», «правда» → «постправда» и др.)¹, обозначает изменения, по своей сути столь же радикальные, как и перемены, произошедшие в модерне. Однако осмысление этих изменений требует сравнения «того, что было» с «тем, что стало». Именно здесь и возникает основное затруднение: определить «что стало» категорически невозможно, так как оно все еще продолжает становиться².

Для характеристики человека, живущего в непрерывно становящемся, то есть изменяющемся, непредсказуемом, а потому неопределенном мире, в

психологии используется понятие «синдром диссонанса современника», описывающее рассогласованность индивидуума со скоростью постоянных изменений действительности, из-за которой он оказывается «заложником акселерации бытия» (Асмолов, 2018: 78). Неопределенность проникает даже в мир повседневного, который всегда отличали стабильность и упорядоченность. В результате человек постсовременности попадает в ситуацию дезориентации, которую С.А. Смирнов объясняет тем, что сегодня отсутствуют базовые опоры в виде привычных культурных кодов, используемых в прошлые исторические периоды. «Принимаемые человеком классических эпох культурные нормы и образцы перестают быть таковыми. Тем самым, можно говорить об определенной расфокусировке взгляда, в результате чего современный человек потерял ориентиры – культурные, социальные, мыслительные, жизненные, экзистенциальные» (Смирнов, 2018: 94).

К анализу неопределенности можно подходить по-разному. В данной статье выбран культурно-антропологический ракурс, в котором одной из главных причин сегодняшней дезориентации видится трансформация представлений о

¹ По поводу приставки «пост-» Ж.-Ф. Лиотар пишет следующее: «Тебе должно быть ясно, что приставка “пост” в слове “постмодерн”, понятая подобным образом, обозначает не движение типа *come back*, *flash back*, *feed back*, т. е. движение повторения, но некий “ана-процесс”, процесс анализа, анамнеза, аналогии и анаморфозы, который перерабатывает нечто “первозабытое»» (Лиотар, 1994).

² Эта процессуальность и незавершенность в равной степени характерны как для сегодняшнего мира в целом (в самом широком понимании термина «мир»), так и для языка его описания. Рассуждая о теории постмодернизма, Ф. Джеймисон сравнивает ее с попыткой «измерить температуру эпохи без инструментов и в ситуации, когда мы даже не уверены, что остались еще такие вещи, как “эпоха”, “дух времени”, “система” или собственно “актуальная ситуация»» (Джеймисон, 2019: 60). Единого мнения по поводу того, что представляет собой постмодернизм, не существует, поскольку

каждый автор фактически выстраивает свою систему объяснений этого феномена/ парадигмы/ состояния/ языка/ ситуации/ проекта. «Ощущение невозможности общего смысла, постоянно подчеркиваемое постсовременной философией, нашло свое подтверждение в самых различных областях, в том числе и быть может в первую очередь, в суждениях о ней самой», – пишет В.В. Савчук (Савчук, 2010: 144). Кроме того, целый ряд исследователей вообще не рассматривает постмодернизм в качестве самостоятельного явления. Ситуация осложняется еще и тем, что с 1990-х годов появляются концепции, заявляющие о *конце постмодернизма* и предлагающие версии того, что идет ему на смену. Все эти многочисленные альтернативы объединены под зонтичным термином «постпостмодернизм» и проанализированы в фундаментальной работе А.В. Павлова (Павлов, 2019).

соотношении между элементами экзистенциальных дихотомий, задающих оси координат в *культуре как месте обитания человека*. Речь идет о таких дихотомиях, как «*трансцендентное/имманентное*», «*сакральное/профанное*», «*континуальное/дискретное*».

Изменения представлений о трансцендентном, священном, континуальном

О том, как и почему меняются представления человека о священном, трансцендентном, и о том, что обеспечивает «всеобщую онтическую связь всего со всем» (то есть о континуальном) (Пелипенко, Яковенко, 1998: 43), размышляют многие отечественные и зарубежные исследователи второй половины XX – XXI вв. (М. Элиаде, В. Франкл, Э. Фромм, Дж. Лэнди и М. Салер, Д. Агамбен, С.Н. Зенкин, С.С. Аванесов, Н.А. Хренов, Ю.В. Рыжов и др.).

В частности, механизмы таких преобразований подробно рассмотрены в основополагающем труде Ч. Тейлора «*Секулярный век*», где он исследует появление новых форм духовности, в условиях современности заменивших традиционные религиозные верования. Тейлор с оптимизмом оценивает нынешнее положение, полагая, что в секулярном обществе есть все предпосылки для духовного обновления человека, сохраняющего стремление к трансцендентному и сакральному (Тейлор, 2017).

³ В соответствии с антропологическим подходом, священными являются вещи, обладающие высшей ценностью для человека или социальной группы (Дюркгейм, 2018; Рыжов, 2006; Зенкин, 2012). Представления о вещах, имеющих значение сверхценности, меняются на протяжении истории, что позволяет говорить об изменении форм проявления сакрального (феноменах) при сохранении самого понятия «священное» (как ноумена).

С позиции культурно-антропологического подхода нелинейный характер изменений, которые происходят в современном мире, предполагает создание прогноза, учитывающего множество возможных направлений поиска человеком духовных оснований, а не только рассмотрение сценария, связанного с возвращением к традиционным религиозным ценностям в их институциональном понимании. В пользу этой точки зрения свидетельствует сама история, на протяжении которой представления о сакральном³, принадлежащем трансцендентной реальности⁴, изменялись и имели различные формы – мифологическую, религиозную, идеологическую. Так, священными объектами в процессе переживания трансцендентного опыта выступают, например, *природа, мировая душа, Бог (или боги)* (в традиционном мире), *идея*, на которой строится идеология, власть или ее представитель (в модернизме), вполне «*земные*» объекты (в постмодернизме).

В процессе секуляризации, начавшейся в Новое время, действие законов, регулирующих мировой порядок, и их объяснение постепенно переместились в сферу социального. В конце XIX – первой половине XX века на передний план вышли преемники религии – *большие идеологии*⁵, а также их противоположность – «*экссклюзивный гуманизм*». Как отмечает Ч. Тейлор, для такой формы гуманизма характерно замыкание человека в своем «плоском» мире и постановка акцента на эмпирическом знании, что сужает его

⁴ Под трансцендентным понимается та сфера, которая лежит за границей эмпирического знания. К ней принадлежат «пустые понятия», такие как бог, душа, истина и др. (Мамардашвили, 2019: 26), она содержит «весь космос возможных культурных смыслов» (Пелипенко, Яковенко, 1998: 39).

⁵ Ряд исследователей рассматривает идеологию как *квазирелигию* (Тиллих, 1995), *секулярную религию* (Wach, 1988) или *десакрализованную религию* (Нуе, 1994).

восприятие и понимание им экзистенциальных вопросов (Тейлор, 2017: 35). Во второй половине прошлого столетия эта антропоцентристская линия привела к появлению такого феномена, как «экспрессивный индивидуализм» (Тейлор, 2017: 381-382), тогда как большие идеологии сошли на нет за исключением ряда стран (Китай, Северной Кореи, Вьетнама, Кубы).

Религия, без сомнения, продолжает играть важную роль в современном обществе. Кроме того, на протяжении XX и XXI веков мы продолжаем наблюдать дискуссии и конфликты, корни которых лежат именно в религиозно-политической сфере (Кудряшова, 2002: 66-77). Тем не менее, усиление секуляризации позволяет считать ее доминирующей тенденцией в значительной части современного мирового сообщества: «Пропорции веры меньше, а пропорции неверия – шире, чем когда-либо раньше» (Тейлор, 2017: 543).

Экзистенциальные дихотомии

Человеку свойственны поиск внутренних оснований и смысла своей жизни, стремление к пониманию того, как устроен мир и какое место он в нем занимает. Эти потребности Э. Фромм определяет как экзистенциальные, жизненно важные для самоосуществления личности (Фромм, 1990). В кризисные моменты даже убежденный скептик обращается за поддержкой к той запредельной силе, которая становится для него единственной надеждой на спасительный исход.

Схожей точки зрения придерживается В. Франкл, который рассматривает самотрансценденцию как проявление «духовного бессознательного»: «Человеческое бытие всегда ориентировано вовне на нечто, что не является им самим <...> В служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя» (Франкл, 1990: 30).

Иными словами, трансцендентное, сакральное и континуальное как

важнейшие социокультурные конструкты неизменно являлись и остаются основополагающей частью общечеловеческого опыта. На протяжении всей истории они в сочетании с имманентным, профанным и дискретным сохраняются в качестве экзистенциалов, без которых немислимо существование человека.

На неразрывную связь этих противоположных и обуславливающих друг друга начал, которые задают диалектику человеческого бытия, указывает Р. Кайуа: «Два мира – мир сакрального и мир профанного – строго говоря, могут быть определены лишь один через другой. Они взаимно исключают и взаимно предполагают друг друга. Напрасно пытаться свести их оппозицию к какой-либо другой: она предстает поистине как непосредственная данность сознания» (Кайуа, 2003: 151). Это замечание справедливо и в отношении двух других дихотомий:

«трансцендентное/имманентное» и «континуальное/дискретное». И.Т. Касавин напоминает, что данные полюса создают два измерения в культуре: человеческая жизнь протекает в их неослабевающем противостоянии и зависит от того, к какому из них в тот или иной момент приближается человек (Касавин, 2010: 9). Представления об этих полюсах и характере отношений между ними исторически менялись, так как менялся человек и его представления о самом себе и об окружающем его мире.

Так, в европейском обществе модерна, которое объявляет себя секулярным, на место изгнанного Бога ставится человек. Это человек, представляющий собой «еще не установившийся животный тип», который имеет шанс стать сверхчеловеком (Ницше, 1997); это интеллектуально развитый культурный человек («Я»), способный взять под контроль разума свое бессознательное и обуревающие его инстинкты (Фрейд, 1991); это наделенный «несчастливым сознанием» человек, который

всем своим естеством ощущает экзистенциальное одиночество от «заброшенности в мир» (Сартр, 2000); это человек, слышащий в себе «экзистенциальный зов» (Ясперс, 2012). В отечественной трактовке советского периода место священного занимает человек, включенный в процесс социального творчества и обретающий статус творца истории (Булавка-Бузгалина, 2020: 68).

Индивид, стоящий посреди модернистского мира, содержит в себе целый комплекс противоречий, но вместе с тем и потенциал их разрешения. Так, благодаря личной свободе выбора и вере в собственные возможности создания лучшей действительности, он может уступить свое центральное место идее, являющейся для него священной – идее прогресса и либерализма, трудового подвига и свободы, эмансипации и культурной революции и т. д.

Поиск «небожественного сакрального» (С.Н. Зенкин) продолжился во второй половине XX века, но уже в принципиально иных условиях. В отличие от всех предыдущих исторических периодов в центре постмодернистского мира не существует того, что могло бы выступить в качестве *всеобщей священной ценности*. Для этого есть несколько причин: 1) отсутствует сам *центр*, ему на смену пришла полицентричность, 2) отсутствует само *всеобщее* как таковое, 3) число ценностей настолько велико, что не представляется возможным определить, какая из них может быть поставлена на вершину иерархии. По этому поводу Ж. Деррида заметил: «Ни одно слово, никакой концепт, никакой важный тезис не претендуют на подытожение и организацию, исходя из теологического присутствия центра» (Деррида, 2007: 23).

Сакральное и трансцендентное в XXI веке

Сегодняшний полицентризм предполагает сосуществование множества путей к сакральному знанию. Эта особенность рассматривается некоторыми исследователями (Ю. Хабермасом, М. Розатти, Дж. Милбанком, Д. Узланером и др.) в качестве подтверждения начавшегося процесса постсекуляризации современного мира и поиска «альтернативных» способов обретения трансцендентного опыта и переживания чувства священного. Рассмотрим основные из них.

Подсознательный Бог⁶, или Неведомый Бог (Ignoto Deo)

Человек признает существование некоего начала (трансцендентного мира, высших сил, мирового разума и т. д.), которое, не обладая конкретной формой, превосходит человека и управляет миром и его законами. Так, проводя параллели между «Трансценденцией» К. Ясперса и «Бытием» М. Хайдеггера, Е.В. Золотухина-Аболина называет их формами богоискательства, возникшими в поисках «иног сакрального», отличного от его религиозного понимания, – священного без Бога-личности (Золотухина-Аболина, 2017: 86-87). Данная тенденция проявилась в XIX веке и сохранила свою актуальность сегодня – как в гуманитаристике, так и в обыденных взглядах и убеждениях людей. Как отмечает Ю.В. Рыжов, современный человек находит священное «не в старых церквях, а на улицах мегаполисов и в толчее супермаркетов, в шуме дискотек и на страницах гламурных журналов, на экране телевизора и в сети Интернет» (Рыжов, 2006). Эту цитату можно было бы отнести и к характеристике современного западноевропейского мира, в котором наблюдается профанизация сакрального, но в данном случае Рыжов говорит о

⁶ *Подсознательным богом* В. Франкл называет персонализированную совесть: «За “Сверх-Я” человека стоит не “Я” сверхчеловека, – говорит

Франкл. – Скорее, за совестью стоит “Ты” Бога» (Франкл, 2022: 9).

возможности трансценденции к земным вещам, поскольку священное скрыто в самой действительности, окружающей человека.

Трансцендентное и сакральное в эстетическом

Такой подход к переживанию трансцендентного опыта и поиску священного может быть рассмотрен на примере одной из концепций постпостмодернизма – перформатизме. В данном случае соприкосновение с высшей реальностью происходит в процессе переживания эстетического опыта, заставляя вспомнить о «сверхчувственной способности» И. Канта. Искусство в перформатизме (будь то отдельное произведение или целая выставка) через форму (*per formam*) создает «целостное, замкнутое пространство, в рамках которого возможно возникновение положительных идентификаций, влекущих за собой такие позитивные эмоции, как любовь, вера, смирение, доверие, искренность, ощущение трансцендентности и др.» (Эшельман, 2021: 4). Творец термина «перформатизм» Р. Эшельман пишет о том, что такой опыт не является религиозной или культовой практикой и не имеет отношения к другим видам коллективного действия, поскольку он связан с персонализированным переживанием трансцендентного «в свободной эстетической сфере» (Эшельман, 2021: 19).

Трансцендентное и сакральное в новой мифологии

Новые мифы, которые, воспользовавшись терминологией М. Элиаде, можно назвать «неподлинными мифами», представляют собой конструкты, создаваемые для разного рода манипуляций общественным сознанием. Они искусственно конструируются в разных сферах – в культуре и науке, в политике и экономике. Такие псевдомифы имеют тождество и различия с традиционными мифами. Например, для неподлинного мифа характерны технологическая «сделанность» и прагматизм, тогда как

традиционный миф «стремится выйти наружу, пытается раскрыть свое содержание, чтобы, превратившись в повествование, выразить отношение человека к предельным основаниям собственного бытия» (Гонсалес, 2006: 27). Псевдомифологические конструкты, создаваемые в условиях полистилистической культуры, множественны и временны (а, следовательно, не всеобщий) в отличие от укорененных архаических мифов, формирующих мировоззренческую систему.

Однако и те и другие имеют свои символические формы проявления, которые признаются социальной группой в качестве высшей ценности. Помимо этого, неподлинные мифы, как и традиционные, ориентированы на глубинные слои бессознательного, на хранящиеся в нем архетипы.

Трансцендентное и сакральное в эзотерике, мистике и оккультизме

Эта тенденция объединяет множество альтернативных версий переживания сакрального и приобщения к трансцендентному посредством нетрадиционной науки, искусства, терапии и т. д. (Wallis, 2019; Крутоус, 2000; Эпштейн, 2005; Торчинов, 2000). Существуют различные причины, по которым люди прибегают к такого рода практикам: при помощи измененного состояния сознания или обращения к сверхъестественному человек надеется обрести истину и просветление, получить ответы на волнующие его жизненно важные вопросы, найти объект поклонения, чтобы унять «экзистенциальный зов» и укрепить основания собственной жизни.

Сакрализация профанного и профанизация сакрального

Этот феномен, характерный для доминирующей сегодня парадигмы, подтверждает тот факт, что процессы сакрализации и десакрализации (профанизации), определяющие чередование культурно-исторических

моделей, в современных условиях происходят нелинейно, непредсказуемо и очень быстро. Так, на фоне продолжающегося «расколдовывания мира» (М. Вебер), в ходе которого человек рискует потерять веру в какие-либо ценности вообще, наделяются статусом священного объекты массовой культуры и банальные вещи из мира повседневного, активно продвигаемые разными медиа в обществе массового потребления. «Доминирующая в Постмодерне идеология потребления сакрализует само потребление как единственный способ достижения счастья» (Мусин, 2015: 127).

Индивидуализированное сакральное

Эта тенденция, в общем-то, объединяет многие характеристики, уже рассмотренные выше. Тем не менее она заслуживает отдельного внимания, поскольку позволяет зафиксировать два параллельных процесса, разворачивающихся из одной точки.

1) Использование множества отдельных фрагментов разных духовных учений, убеждений, этических норм для создания персональной «веры». «Личности, субъекту, в ходе опыта сакрального в эпоху постмодерна соответствует даже не единое, пусть и индивидуальное, оторванное от традиции (как в модерне), сакральное пространство, а бесконечное множество ответвлений дискретных сакральных пространств, в которых проявляется непрерывный процесс сакрализации» (Савкина, 2012: 149). В ходе такой деконструкции сакральное утрачивает значение Центра как источника высшей – священной для человека – силы, на его месте возникает ризоматическая структура, которая отражает состояние современного социума. Таким образом, система

ценностей становится нестабильной, поскольку и входящие в нее элементы, и связи между ними начинают зависеть от множества социокультурных факторов, под влияние которых попадает индивид. Продолжая мысль Л. Фейербаха, утверждавшего, что человек сотворил бога по своему образу и подобию (Фейербах, 1955: 701), можно сказать, что нынешний плюралистичный характер сакрального есть проявление процессов, происходящих в современном обществе и внутреннем мире личности.

2) Поиск и присоединение человека к мини-сообществам, члены которых разделяют его собственные верования, представления и ценности. Данная практика свидетельствует о непрекращающейся индивидуализации современных индивида и общества⁷, и в то же время подтверждает завершенность «дисциплинарного мира»⁸, вместо которого формируется новый тип социальности, отличающийся высокой подвижностью и многообразием.

Подводя итог этого краткого обзора направлений, по которым происходит поиск сакрального в XXI столетии, можно сделать вывод, что в современном социальном пространстве сосуществуют разные представления о священном и его проявлениях, включая традиционные формы трансцендентного и сакрального опыта.

Анализируя место сакрального в современном мире, Г.В. Луговский отмечает, что «история, рассмотренная с точки зрения сакрального, есть линейный процесс переструктуризации “духа” – распадение культур, измельчания масштабов сакрального, уход его во все более малые социальные образования

⁷ В трудах социологов З. Баумана и У. Бека индивидуализация рассматривается как «освобождение от классово окрашенных отношений и форм жизнеобеспечения в семье», обретение «индивидуальной судьбы на рынке труда с ее рисками, шансами и противоречиями» (Бек, 2000: 106), а также как избавление человека «от

предписанной, унаследованной и врожденной предопределенности его социальной роли» (Бауман, 2005: 181).

⁸ Подробно см. работу Ж. Липовецки «Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме» (Липовецки, 2001).

вплоть до атомизации» (Луговский, 2015: 57). При этом то, что возникает в ходе этого последовательного процесса, обладает противоположной характеристикой – нелинейностью.

«Оптимистический» и «пессимистический» сценарии

Можно ли рассматривать распыление, умножение или даже атомизацию сакрального как признак кризиса современного общества, как проявление обесценивания священного, которое может привести к антропологической катастрофе? В этом вопросе мнения исследователей разделяются и порой противоречат друг другу. В частности, К. Хьюбнер пишет о том, что непрерывно набирающее обороты научно-технологическое освоение мира «создает вместе с тем гнетущее впечатление пустоты и недостатка чего-то. В будущем видится почти неудержимое технологическое развитие, которое может привести, в конце концов, к самоуничтожению человека. Поэтому многие впадают в мифоподобные эрзац-религии, священные учения или политические доктрины, от которых ждут освобождения» (Хьюбнер, 1996: 3). Другой исследователь – М. Кинг оценивает нынешнюю ситуацию с противоположной позиции: с его точки зрения, сегодня мы являемся свидетелями завершения эпохи «гегемонии секуляризма как антирелигиозной идеологии» и начала новой *эры духовности*, в которой вера и разум, наука и религия объединяются на благо раскрытия и укрепления человеческого в человеке (Добреньков, 2012: 8).

Приведенные примеры весьма показательны, поскольку демонстрируют наличие как минимум двух существующих на сегодня сценариев дальнейшего развития событий – «оптимистического» и «пессимистического», которые озвучиваются в исследовательских прогнозах. Любопытно, что практически все авторы, независимо от того, какой

позиции они придерживаются, обращают внимание на неопределенность сегодняшней ситуации: «Подавляющее большинство, практически все, во что-то немножко вроде бы и верят, но вроде бы и не верят, торжество мировоззренческой неопределенности» (Каарияйнен, Фурман, 2000: 42). Из чего напрашивается вывод/предположение: возможно, современный период – это переходный этап к принципиально иной стабильности, в которой неопределенность является константой сложного мира? Но тогда человеку придется усложниться самому и научиться жить, выстраивать навигацию и заново создавать ориентиры в условиях непрерывно меняющейся действительности.

Анализ экзистенциальных процессов, связанных с трансформацией представлений о трансцендентном и священном в XXI столетии, а также стохастическое «дробление континуума на отдельные элементы» (Пелипенко, Яковенко, 1998: 43), отличающее мировосприятие современного человека, убеждают в беспрецедентности масштаба и глубины изменений, затрагивающих культуру, общество и каждого его представителя.

Заключение

Изменения в экзистенциальных дихотомиях являются одновременно и показателем, и катализатором фундаментальных социокультурных сдвигов, которые происходят в современном мире. В условиях нарастающей индивидуализации утрачивают свою силу общие ценностные нарративы, что влечет за собой фрагментацию социальных и культурных связей, дробление личной и групповой идентичностей. Так внутри дихотомии «*трансцендентное/имманентное*» происходит постепенное замещение всеобщих значимых смыслов на индивидуальные переживания. С одной стороны, это открывает возможности для

усиления саморефлексии, а с другой, способствует замыканию человека в самом себе, закрывает для него перспективу движения и приобщения к тому, что является чем-то большим, заставляющим выходить индивида за пределы самого себя и «выращивать» себя как личность.

Расширение смыслов, вкладываемых в понятие «священное», а также смещение акцентов в диалектической паре «*сакральное/профанное*» являются показателем свободы выбора в том, что конкретный человек считает для себя сверхценным, но в то же время ведет к распылению, дискретности сакрального, что способствует еще большей социальной дезинтеграции и затрудняет поиск глубинных оснований жизни.

В свою очередь, сегодняшняя цифровизация мира и колоссальные объемы информации, с которыми ежедневно сталкивается человек, меняют отношение внутри дихотомии «*континуальное/дискретное*»: восприятие и мышление становятся дробными, клиповыми. Сегодня мы имеем доступ к колоссальным объемам данных, но при этом испытываем большие сложности в их систематизации, а следовательно, и в построении целостного образа реальности.

Поскольку эти дихотомии определяют координатные оси в культурном, социальном, личностном пространстве-времени, то изменения, происходящие с ними и внутри них, становятся одними из ключевых факторов, способствующих сегодняшней дезориентации. Это проявляется на различных уровнях – от неопределенности в личной и коллективной идентичности до неуверенности и страха перед будущим как отдельного человека, так и всего человечества.

В ходе тысячелетней борьбы за независимость, которую вел человек с фатумом, Богом, природой, официальной идеологией (с тем, что находится по ту сторону повседневного), сегодня он оказался на том рубеже, где диалог с

Великим Другим оказывается почти невозможен. Однако и внутренний монолог не способен дать ему удовлетворительных ответов, поскольку в них находят отражение его собственные мысли и сомнения.

Таким образом, стремясь отстоять право на свободу и индивидуальность, современный человек вновь оказывается перед необходимостью искать трансцендентное и сакральное в качестве «противовесов» своему земному существованию. «Человек XX в. кажется то бесконечно далеким от религии, то стоящим на пороге обретения новой веры. Побывав на самом дне ужасающей бездны безверия, экзистенциального страха и покинутости, он снова вызывает *de profundis* – из глубины своего переполненного отчаянием сердца вызывает к вечности» (Сурова, 2001).

Насколько успешными окажутся реализуемые в наше время поиски сакрального и удастся ли человеку в принципе сохранить связь с трансцендентным? На эти вопросы пока рано давать ответы, однако осуществляемые попытки лишь подтверждают, что механизм самосохранения, отвечающий за сбережение человеческого в человеке, все еще находится в действии.

Литература

- Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // *Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен* / под общ. ред. А. Асмолова. М.: ЯСК, 2018. С. 76-100.
- Бауман, З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Бек, У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
- Булавка-Бузгалина, Л.А. Становление субъекта истории: противоречия

разотчуждения // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2020. № 5. С. 66-80.

Гонсалес, М.А. Что такое миф? / пер. с исп. М.А. Малышева // Дискурс Пи. 2006. № 6. С. 26-29.

Деррида, Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Библихина. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.

Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 808 с.

Добреньков, В.И. Христианская и православная социология // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 3-24.

Дугин, А.Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Академический проект, 2023. 503 с.

Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии / пер. с фр. А. Апполонова и Т. Котельниковой. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2018. 736 с.

Зенкин, С.Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. 537 с.

Золотухина-Аболина, Е.В. Новые-старые пути сакрального // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2017. Т. 3 (1). С. 82-88.

Каариянен, К., Фурман, Д. Религиозность в России в 90-е годы // Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России / под ред. проф. К. Каариянена и проф. Д.Е. Фурмана. СПб.: М: Летний сад, 2000. С. 7-48.

Кайуа, Р. Миф и человек. Человек и сакральное / пер. с фр. и вступ. ст. М.Н. Зенкина. М.: ОГИ, 2003. 296 с.

Касавин, И.Т. Повседневность: сакральное и профанное // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 6-13.

Крутоус, В.П. Новоязычество в современной культуре // Свободная мысль. 2000. № 7. С. 78-89.

Кудряшова, И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира // Полис. Политические исследования. 2002. № 1. С. 66-77 [Электронный ресурс]. URL:

<https://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.06> (дата обращения: 15.10.2024).

Леонтьев, Д.А. Жизнь на волнах хаоса: уроки Пригожина и Талеба // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / под общ. ред. А. Асмолова. М.: ЯСК, 2018. С. 29-39.

Лиотар, Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост». После времени: французские философы постсовременности / пер. с фр. А.В. Гараджи [Электронный ресурс]. URL: https://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (дата обращения: 05.11.2024)

Липовецки, Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. с фр. В.В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.

Луговский, Г.В. О природе сакрального. К истокам духовного опыта. М.: Издательские решения, 2015. 170 с.

Мамардашвили, М.К. Введение в философию. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2019. 656 с.

Мусин, М.З. Сакрализация и профанизация в развитии культуры // Вестник социально-политических наук. 2015. № 14. С. 122-127.

Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / пер. Ю.М. Антоновского // Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: РИПОЛ-Классик, 1997. С. 5-170.

Павлов, А.В. Постпостмодернизм. Как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Дело, 2019. 560 с.

Пелипенко, А.А., Яковенко, И.Г. Культура как система. М.: Языки русской культуры, 1998. 376 с.

Рыжов, Ю.В. Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве. М.: Смысл, 2006. 328 с.

Савкина, А.В. Сакральное в постсекулярном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3 (17). Ч. II. С. 148-150.

Савчук, В.В. Метафора поворота в философии // Философские науки. 2010. № 10. С. 135-150.

Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.

Смирнов, С.А. Проблема ориентирования и навигации личности в

антропологии: методологическая рамка // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 93-101.

Сурова, О.Ю. Человек в модернистской культуре // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000: Учебное пособие / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 2001. С. 221-291 [Электронный ресурс]. URL: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Surova.htm. (дата обращения: 24.11.2023).

Тейлор, Ч. Секулярный век / пер. с англ.; под ред. А. Бодрова. М.: ББИ, 2017. 967 с.

Тиллих, П. Избранное: Теология культуры / пер. с англ. М.: Юрист, 1995. 479 с.

Торчинов, Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.

Фейербах, Л. Избранные философские сочинения: В 2 т. Т. II / под общ. ред. М.М. Григоряна. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 942 с.

Франкл, В. Подсознательный бог: Психотерапия и религия / пер. с нем. Т.В. Куличенко, Д.А. Леонтьев. М.: Альпина, 2022. 218 с.

Франкл, В. Человек в поисках смысла: Сборник / пер. с англ. и нем.; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс. 1990. 368 с.

Фромм, Э. Бегство от свободы / пер. А.В. Александровой. М.: АСТ, 2017. 288 с.

Фрейд, З. Введение в психоанализ: Лекции / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. М.: Наука, 1991. 456 с.

Хюбнер, К. Истина мифа / пер. с нем. И.Т. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.

Эпштейн, М.Н. Новое сектанство. Самара: БАХРАХ-М, 2005. 256 с.

Эшельман, Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // Логос. 2021. № 31 (6). С. 1-34. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-6-1-31

Ясперс, К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. 448 с.

Nye, D.E. American Technological Sublime. Cambridge; London: The MIT Press, 1994. 362 p.

Wach, J. Sociology of religion // Essays in the History of religions / ed. by J.M. Kitagawa and

G.D. Alles. N. Y.: Macmillan Publishing Company, 1988. Pp. 81-113.

Wallis, R. The Elementary Forms of the New Religious Life. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2019. 156 p.

References

Asmolov, A. G., Shekhter, E. D. and Chernorizov, A. M. (2018), "Pre-adaptation to uncertainty as a strategy for navigation of developing systems: evolution routes", *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: personality in an era of change], in Asmolov, A. (ed.), YASK, Moscow, Russia, 76-100 (in Russ.).

Bauman, Z. (2005), *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society], Transl. in Inozemtsev, V. L. (ed.), Logos, Moscow, Russia (in Russ.).

Beck, W. (2000), *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards Another Modernity], Transl. by Sedelnik, V., Fedorova, N., Progress-Traditsiya, Moscow, Russia (in Russ.).

Bulavka-Buzgalina, L. A. (2020), "Formation of the Subject of History: Contradictions of Alienation", *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, 5, 66-80 (in Russ.).

Caillois, R. (2003), *Mifi chelovek. Chelovek i sakralnoe* [Le Mythe et l'Homme. L'homme et le Sacré], Transl. by Zenkin, M. N., United Humanitarian Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Derrida, J. (2007), *Pozitsii* [Positions], Transl. by Bibikhina, V. V., Akademicheskii Proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Dobrenkov, V. I. (2012), "Christian and Orthodox Sociology", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2, 3-24 (in Russ.).

Dugin, A. G. (2023), *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Post-philosophy. Three paradigms in the history of thought], Akademicheskii proyekt, Moscow, Russia (in Russ.).

Durkheim, E. (2018), *Elementarnye formy religioznoy zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Les Formes Élémentaires de la Vie Religieuse: Le Système Totémique en Australie], Transl. by Apollonov, A. and Kotelnikova, T., Publishing house "Delo" of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (in Russ.).

- Epstein, M. N. (2005), *Novoe sektantstvo* [New sectarianism], BAKHRAKH-M, Samara, Russia (in Russ.).
- Eshelman, R. (2021), "Performatism as Overcoming Postmodernism", *Logos*, 31 (6), 1-34. DOI: 10.22394/0869-5377-2021-6-1-31 (in Russ.).
- Feuerbach, L. (1955), *Izbrannye filosofskie sochineniya: V 2 t. T. II* [Selected philosophical works in 2 vols. Vol. II], in Grigoryan, M. M. (ed.), State Publishing House of Political Literature, Moscow, Russia (in Russ.).
- Frankl, V. (2022), *Podsoznatelny bog: Psikhoterapiya i religiya* [The unconscious God : psychotherapy and theology], Transl. by Kulichenko, T. V. and Leontiev, D. A., Al'pina, Moscow, Russia (in Russ.).
- Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskakh smysla: Sbornik* [Man's Search For Meaning], Transl. in Gozman, L. Ya. and Leontiev, D. A. (ed.), Progress, Moscow, Russia (in Russ.).
- Freud, S. (1991), *Vvedenie v psikhoanaliz: Lektsii* [Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse Und Neue Folg] [Introduction to Psychoanalysis: Lectures], Transl. by Baryshnikova, G. V., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Fromm, E. (2017), *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom], Transl. by Alexandrova, A. V., AST, Moscow, Russia (in Russ.).
- Huebner, K. (1996), *Istina mifa* [The Truth of Myth], Transl. by Kasavin, I., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).
- Gonzalez, M. A. (2006), "What is a myth?", Transl. by Malyshev, M. A., *Discourse-P*, 6, 26-29 (in Russ.).
- Jameson, F. (2019), *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma* [Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism], Transl. by Kralechkin, D., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).
- Jaspers, K. (2012), *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book II. Enlightenment of Existence], Transl. by Sudakov, A. K., Canon+, Reabilitatsiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Kaariainen, K. and Furman, D. (2000), "Religiosity in Russia in the 90s", *Starye tserkvi, novye veruyushchie: religiya v massovom soznanii postsovetskoy Rossii* [Old Churches, New Believers: Religion in the Mass Consciousness of Post-Soviet Russia], in PhD Kaariainen, K. and PhD Furman, D. (eds), *Letniy sad*, Saint Petersburg, Moscow, Russia, 7-48 (in Russ.).
- Kasavin, I. T. (2010), "Everyday life: sacred and profane", *World of the Russian Word*, 2, 6-13 (in Russ.).
- Krutous, V. P. (2000), "Neo-paganism in modern culture", *Svobodnaya mysl* [Free thought], 7, 78-89 (in Russ.).
- Kudryashova, I. V. (2002), "Fundamentalism in the space of the modern world", *Polis. Political Studies*, 1, 66-77 [Online], available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2002.01.06> (Accessed 15 October 2024) (in Russ.).
- Leontiev, D. A. (2018), "Life on the Waves of Chaos: Lessons from Prigogine and Taleb", *Mobilis in mobili: lichnost v epokhu peremen* [Mobilis in mobili: personality in an era of change], in Asmolov, A. (ed.), YASK, Moscow, Russia, 29-39 (in Russ.).
- Lyotard, J.-F. (1994), *Zametka o smyslakh "post". Posle vremeni: frantsuzskiye filosofy postsovremennosti* [Note on the meanings of "post". After time: French philosophers of postmodernity], Transl. by Garadzh, A. V. [Online], available at: https://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/s_post.txt (Accessed 5 November 2024) (in Russ.).
- Lipovetsky, G. (2001), *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [L'Ere du Vide. Essais sur l'Individualisme Contemporain], Transl. by Kuznetsov, V. V., Vladimir Dal, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).
- Lugovskiy, G. V. (2015), *O prirode sakralnogo. K istokam dukhovnogo opyta* [On the nature of the sacred. To the origins of spiritual experience], Izdatelskiye resheniya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Mamardashvili, M. K. (2019), *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to Philosophy], Publishing house of the Merab Mamardashvili Foundation, Moscow, Russia (in Russ.).
- Musin, M. Z. (2015), "Sacralization and profanation in the development of culture", *Vestnik social'no-politicheskikh nauk* [Bulletin of Socio-Political Sciences], 14, 122-127 (in Russ.).
- Nietzsche, F. (1997), "Thus Spoke Zarathustra", *Sochineniya: V 2 t. T. 2* [Works: In 2 vols. Vol. 2], Transl. by Antonovsky, Yu. M., RIPOL-Klassik, Moscow, Russia, 5-170 (in Russ.).
- Nye, D. E. (1994), *American Technological Sublime*, The MIT Press, Cambridge, Mass., London.

Pavlov, A. V. (2019), *Postpostmodernizm. Kak sotsialnaya i kulturnaya teorii obyasnayut nashe vremya* [Postpostmodernism. How social and cultural theories explain our time], Delo, Moscow, Russia (in Russ.).

Pelipenko, A. A. and Yakovenko, I. G. (1998), *Kultura kak sistema* [Culture as a system], Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, Russia (in Russ.).

Ryzhov, Yu. V. (2006), *Ignoto Deo: Novaya religioznost v kulture i iskusstve* [Ignoto Deo: New Religiosity in Culture and Art], Smysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Sartre, J.-P. (2000), *Bytiye i nichto: opyt fenomenologicheskoy ontologii* [L'être et le néant: Essay d'ontologie phénoménologique] [Being and nothingness: the experience of phenomenological ontology], Transl. by Kolyadko, V. I., Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Savchuk, V. V. (2010), "Metaphor of a Turn in Philosophy", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 10, 135-150 (in Russ.).

Savkina, A. V. (2012), "The Sacred in a Post-Secular Society", *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 3 ((17) II), 148-150 (in Russ.).

Smirnov, S. A. (2018), "The problem of orientation and navigation of the individual in anthropology: a methodological framework", *Cultural-Historical Psychology*, 14 (2), 93-101 (in Russ.).

Surova, O. Yu. (2001), "Man in modernist culture", *Zarubezhnaya literatura vtorogo tysyacheletiya. 1000–2000: Uchebnoe posobie* [Foreign Literature of the Second Millennium. 1000–2000: A Textbook], in Andreev, L. G. (ed.), Vysshaya shkola, Moscow, Russia, 221-291 [Online], available at: http://ns2.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Surova.htm (Accessed 3 November 2024) (in Russ.).

Taylor, Ch. (2017), *Sekulyarniy vek* [A Secular Age], in Bodrov, A. (ed.), Publishing House of Biblical-Theological Institute of St. Apostle Andrew, Moscow, Russia (in Russ.).

Tillich, P. (1995), *Izbrannoe: Teologiya kultury* [Favorites: Theology of Culture], Transl. by a group of authors, Yurist, Moscow, Russia (in Russ.).

Torchinov, E. A. (1998), *Religii mira: opyt zapredelnogo. Psikhotehnika i transpersonalnye sostoyaniya* [Religions of the world: experience of the beyond. Psychotechnics and transpersonal states], Publishing house of the Center "Petersburg Oriental Studies", Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Wach, J. (1988), "Sociology of religion", *Essays in the History of religions*, in Kitagawa, J. M. and Alles, G. D. (eds), Macmillan Publishing Company, New York, 81-113.

Wallis, R. (2019), *The Elementary Forms of the New Religious Life*, Routledge, Taylor & Francis Group, London & New York.

Zenkin, S. N. (2012), *Nebozhestvennoe sakralnoe: Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [The Undivine Sacred: Theory and Artistic Practice], Publishing house of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (in Russ.).

Zolotukhina-Abolina, E. V. (2017), "New-old ways of the sacred", *Yuzhny polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii*, 3 (1), 82-88 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Лекус Елена Юрьевна, кандидат культурологии, доцент Центра инновационных образовательных проектов, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, Соляной пер., д. 13, Санкт-Петербург, 191028, Россия; lekus_elen@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elena Yu. Lekus, PhD in Culturology, Associate Professor of Centre for Innovative Educational Projects, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design, 13 Solyanoy Ln., Saint Petersburg, 191028, Russia; lekus_elen@mail.ru